

Земля. Джеймс Джойс

Старшая разрешила ей уйти, как только женщины напьются чаю, и Мария заранее радовалась свободному вечеру. В кухне все так и блестело; кухарка говорила, что в большие медные котлы можно смотреться вместо зеркала. В печи, славно поблескивая, горел огонь, а на одном из боковых столов лежали четыре огромных сладких пирога. Издали они казались ненарезанными; но вблизи видно было, что они аккуратно нарезаны толстыми длинными ломтями и их можно прямо подавать к чаю. Мария сама нарезала их.

Роста Мария была очень-очень маленького, но у нее был очень длинный нос и очень длинный подбородок. Говорила она слегка в нос и казалось, что она всегда успокаивает кого-то: «Да, моя хорошая», «Нет, моя хорошая». Всегда за ней посылали, если женщины ссорились из-за корыт, и всегда ей удавалось водворить мир. Старшая как-то раз сказала ей:

– Вы у нас настоящий миротворец, Мария.

И эту похвалу слышали кастелянша и две дамы-попечительницы. А Джинджер Муни всегда говорила, что глухонемой, которая подавала утюги, не поздоровилось бы, если б не Мария. Все любили Марию.

Чай будет в шесть часов, и еще до семи она сможет уйти. От Боллсбриджа[1] до Колонны Нельсона – двадцать минут, от Колонны до Драмкондры двадцать минут, и двадцать минут на покупки. К восьми часам она попадет туда. Она вынула свой кошелек с серебряным замочком и еще раз прочла надпись: «Привет из Белфаста». Она очень любила этот кошелек, потому что его привез Джо пять лет тому назад, когда вместе с Олфи ездил на Духов день в Белфаст. В кошельке лежали две полукроны и несколько медяков. После трамвая останется чистых пять шиллингов. Как славно они проведут вечер – дети все будут петь хором! Только бы Джо не пришел домой пьяным. Он совсем на себя не похож, когда выпьет.

Не раз он просил ее переехать к ним и жить вместе с ними; но она боялась их стеснить (хотя жена Джо всегда так хорошо к ней относилась), и потом, она привыкла уже к своей жизни в прачечной. Джо славный малый, Мария вынянчила их, и его и Олфи; Джо, бывало, так и говорит:

– Мама мамой, но моя настоящая мать – это Мария.

Когда семья распалась, мальчики подыскали ей это место в прачечной «Вечерний Дублин», и оно ей понравилось. Прежде она была очень дурного мнения о протестантах[2], но теперь увидела, что это очень славные люди, немножко, пожалуй, чересчур тихие и серьезные, но очень славные, и жить с ними легко. И потом, у нее здесь свои растения в теплице, и она любила ухаживать за ними. У нее был чудесный папоротник и восковые деревья, и, если кто приходил ее навестить, она непременно дарила гостю два-три ростка из своей теплицы. Единственное, чего она не любила, это душеспасительные брошюры, которые всюду попадались на глаза, но зато со старшей было так приятно иметь дело, она была как настоящая леди.

Кухарка сказала ей, что все готово, она пошла в столовую и принялась звонить в большой колокол. Через несколько минут, по двое, по трое, стали собираться женщины, вытирая распаренные ладони об юбки и спуская рукава на красные распаренные руки. Они усаживались перед огромными кружками, в которые кухарка и

глухонемая наливали из огромных оловянных чайников горячий чай, уже сладкий и с молоком. Мария распорядилась дележкой пирога и следила, чтобы каждая женщина получила свои четыре ломтя. За едой было много смеха и шуток. Лиззи Флеминг сказала, что уж наверно Марии достанется кольцо, и, хотя Флеминг говорила это каждый год в Канун Дня Всех Святых, Мария робко улыбнулась и сказала, что вовсе ей не надо никакого кольца, да и мужа не надо[3], и когда она смеялась, ее серо-синие глаза искрились от позабытых надежд, а кончик носа почти касался кончика подбородка. Потом Джинджер Муни подняла свою кружку с чаем и предложила выпить за здоровье Марии, сказав при этом, что лучше бы по такому случаю выпить глоток портеру, а все остальные стучали кружками по столу. И Мария опять так смеялась, что кончик ее носа почти касался кончика подбородка, и вся ее маленькая фигурка так и тряслась от смеха, потому что она знала, что Муни хотела как лучше, хотя, конечно, она простая, необразованная женщина.

Но как же Мария была рада, когда женщины выпили чай и кухарка с глухонемой стали собирать посуду. Она пошла в свою комнатку и, вспомнив, что завтра с утра надо идти к ранней мессе, перевела стрелку будильника с семи на шесть. Потом она сняла рабочую юбку и домашние ботинки и разложила на постели свою самую лучшую юбку, а рядом на полу поставила крохотные выходные ботинки. Кофточку она тоже надела другую; она стояла перед зеркалом, ей вспомнилось, как, бывало, еще молодой девушкой, она по воскресеньям наряжалась к мессе, и она со странной нежностью посмотрела на маленькую фигурку, которую так любила когда-то украшать. Несмотря на возраст, это все еще была премилая аккуратненькая фигурка.

Когда она вышла на улицу, тротуары блестели от дождя, и она порадовалась, что надела свой старенький коричневый плащ. В трамвае было тесно, и ей пришлось сидеть на маленькой откидной скамеечке в конце вагона, и ноги ее едва доставали до полу. Она прикидывала в уме, что ей нужно было сейчас сделать, и думала о том, как хорошо ни от кого не зависеть и иметь собственные деньги. Уж конечно, они славно проведут вечер. Иначе и быть не может, вот только одно – жалко, что Олфи и Джо не разговаривают друг с другом. Они теперь вечно ссорятся, а ведь как дружно жили мальчиками; но уж такова жизнь.

У Колонны она вышла из трамвая и стала проворно пробираться в толпе. Она отправилась в кондитерскую Даунза, но в кондитерской было столько народа, что ей пришлось довольно долго дожидаться своей очереди. Она купила десяток пирожных, по пенни штука, и наконец выбралась из кондитерской с большим бумажным пакетом. Потом она задумалась, что бы еще купить; ей хотелось чего-нибудь повкуснее. Яблок и орехов у них, наверно, и так вдосталь. Нелегкая была задача – придумать, что купить, и ей так ничего и не пришло в голову, кроме кекса. Она решила купить кекс с коринкой, но у Даунза на кексах было мало засахаренного миндаля, и она пошла в другую кондитерскую, на Генри-Стрит. Здесь она долго не могла ни на чем остановиться, и нарядная молодая барышня за прилавком, видимо начиная терять терпение, спросила, уж не свадебный ли пирог она выбирает. Тут Мария покраснела и улыбнулась девушке, но девушка не расположена была шутить – она отрезала большой кусок кекса с коринкой, завернула его в бумагу и сказала:

– Два шиллинга четыре пенса, пожалуйста.

В трамвае она думала, что ей придется простоять всю дорогу до Драмкондры, потому что никто из молодых людей, казалось, не замечал ее, но один пожилой джентльмен подвинулся и уступил ей место. Джентльмен был довольно полный, в коричневом котелке; у него было квадратное красное лицо и усы с проседью. Мария решила, что он похож на полковника, и подумала: насколько он вежливее молодых людей, которые

сидят себе не поворачивая головы. Джентльмен завел с ней разговор о Кануне Дня Всех Святых, о дождливой погоде. Он высказал догадку, что в пакете у нее вкусные вещи для малышей, и сказал, что так оно и должно быть: когда ж и повеселиться, если не в молодости. Мария соглашалась с ним, одобрительно поддакивая и кивая головой. Он был очень мил с ней, и, выходя у моста через канал, она поблагодарила его и поклонилась, и он тоже поклонился и приподнял шляпу с приятной улыбкой; и, когда она шла по набережной, пригнув свою крохотную головку под дождем, она думала о том, что джентльмена всегда с первого взгляда видно, даже если он чуточку подвыпил.

Когда она вошла в дом Джо, все закричали: «А вот и Мария!» Сам Джо был уже дома, только что вернулся с работы, а дети все нарядились по-праздничному. Пришли еще две девушки из соседнего дома, и веселье было в полном разгаре. Мария дала пакет с пирожными Олфи, старшему мальчику, чтобы он роздал всем, и миссис Доннелли сказала, что она слишком их балует – столько пирожных сразу, – и заставила всех детей сказать:

– Спасибо, Мария!

Но Мария сказала, что она еще принесла отдельно кое-что для папы и мамы, кое-что такое, что им, наверно, понравится, и принялась искать свой кекс с коринкой. Она заглянула в пакет из-под пирожных, потом в карманы своего плаща, потом на вешалку, но кекса нигде не было. Потом она спросила детей, не съел ли его кто-нибудь из них, – разумеется, по ошибке! – но дети все ответили «нет» и надулись, словно желая сказать, что раз их обвиняют в воровстве, не надо им никаких пирожных. Каждый объяснял загадку по-своему, а миссис Доннелли сказала, что скорее всего Мария оставила кекс в трамвае. Вспомнив, как ее смутил джентльмен с седыми усами, Мария покраснела от стыда, досады и огорчения. При мысли о своем неудавшемся сюрпризе и о выброшенных зря двух шиллингах и четырех пенсах она чуть не расплакалась.

Но Джо сказал, что это все пустяки, и усадил ее у огня. Он был очень мил с ней. Он говорил обо всем, что делается в конторе, и рассказал, как ловко он на днях отбрил управляющего. Мария не поняла, чему Джо так смеется, но сказала, что, должно быть, управляющий человек очень властный и с ним трудно иметь дело. Джо сказал, что он не так уж плох, нужно только знать, как к нему подойти, и что он даже совсем ничего, пока его не поглядят против шерстки. Миссис Доннелли села за пианино, и дети танцевали и пели. Потом соседские девушки обносили всех орехами. Никто не мог найти щипцы, и Джо чуть было не рассердился и спрашивал, что прикажут Марии делать с орехами, если ей не дали щипцов. Но Мария сказала, что она не любит орехов и что не стоит беспокоиться из-за нее. Потом Джо спросил, не выпьет ли она пива, а миссис Доннелли сказала, что в доме найдется и портвейн, если она предпочитает вино. Мария сказала, что, право же, ничего не будет пить, но Джо настаивал.

Марии пришлось уступить, а потом они сидели у огня, вспоминая доброе старое время, и Мария решила, что, пожалуй, можно замолвить словечко за Олфи. Но Джо стал кричать, что пусть покарает его господь, если он согласится еще хоть раз взглянуть на своего брата, и Мария сказала, что, верно, зря она об этом заговорила. Миссис Доннелли заметила мужу, что стыдно так говорить о родном брате, но Джо сказал, что Олфи ему не брат, и дело чуть не кончилось ссорой. Но Джо сказал, что не такой сегодня вечер, чтоб сердиться, и попросил жену откупорить еще бутылку пива. Девушки затеяли обычные в Канун Дня Всех Святых игры, и скоро всем опять стало весело. Мария радовалась, что дети такие веселые,

а Джо и его жена в таком хорошем настроении. Соседские девушки расставили на столе несколько блюдец и, завязав детям глаза, стали по очереди подводить их к столу. Одному достался молитвенник, троим – вода; а когда одной из соседских девушек досталось кольцо, миссис Доннелли погрозила покрасневшей девушке пальцем, словно говоря: «Да, да, нам кое-что известно»[4]. Тут все закричали, что нужно и Марии завязать глаза и пусть она подойдет к столу – интересно, что ей достанется; пока ей затыгивали повязку, Мария все смеялась и смеялась так, что кончик ее носа почти касался кончика подбородка.

Под общий смех и шутки ее подвели к столу, и она протянула вперед руку, как ей сказали. Она поводила рукой в воздухе и наконец опустила ее на одно из блюдец. Она почувствовала под пальцами что-то сырое и рыхлое и удивилась, что все молчат и никто не снимает с нее повязку. Несколько секунд было тихо; потом поднялась возня и перешептывания. Кто-то упомянул про сад, и наконец миссис Доннелли очень сердито сказала что-то одной из девушек и велела ей немедленно выбросить это вон; такими вещами не шутят. Мария поняла, что вышло что-то не то; поэтому пришлось проделать все сначала, и теперь ей достался молитвенник.

Потом миссис Доннелли заиграла рилу[5], а Джо заставил Марию выпить рюмку вина. Скоро всем опять стало весело, и миссис Доннелли сказала, что Марии в этом году суждено уйти в монастырь, потому что ей достался молитвенник. Мария не помнила, чтобы Джо когда-нибудь был так мил с ней, как в этот вечер, так ласково с ней разговаривал, столько вспоминал о прошлом. Она сказала, что они слишком добры к ней.

Под конец дети устали и захотели спать, и Джо спросил Марию, не споет ли она им что-нибудь перед уходом, какую-нибудь старую песенку. Миссис Доннелли сказала: «Да, да, Мария, пожалуйста», и Марии пришлось встать и подойти к пианино. Миссис Доннелли приказала детям не шуметь и слушать Марию. Потом она сыграла вступление и сказала: «Ну, Мария?» – и Мария, вся вспыхнув, запела тоненьким, дрожащим голоском. Она пела «Мне снилось, что я в чертогах живу»[6], но, дойдя до второго куплета, начала снова:

Мне снилось, что я в чертогах живу,
Окруженный рабов толпой,
И среди верных вассалов своих слышу
Надеждой страны родной.
Без счету богатств у меня, мой род
Славным именем горд своим,
Но лучше всего – мне снилось еще,
Что тобой я, как прежде, любим.
Но никто не указал ей ее ошибку; а когда она кончила, Джо был очень растроган. Что бы там ни говорили, сказал он, а в старину жили лучше, и музыки нет лучше, чем добрый старый Балф; слезы застлали ему глаза, и он никак не мог найти того, что искал, и потому спросил жену, где штопор.

Примечания

1 Пригород Дублина.

2 Прачечная «Вечерний Дублин» существовала на субсидии от протестантских организаций.

3 Сладкий пирог, который пекут в Канун Дня Всех Святых, 31 октября, нередко используют при гадании; тогда в него запекают кольцо и орех. У кого в кусочке

окажется кольцо, тот вскоре должен сочетаться браком; у кого – орех, тот свяжет свою судьбу со вдовцом или вдовицей, а если орех окажется пустым, то девушка останется старой девой, а юноша холостяком.

4 Традиционный обряд гадания в Канун Дня Всех Святых. Гадающие с завязанными глазами дотрагивались до разложенных на столе предметов: молитвенник означал монашескую участь, кольцо – свадьбу, вода – долгую жизнь, земля – смерть. В XIX веке земля, как наиболее мрачный символ, в гадании чаще всего не использовалась.

5 Быстрый хороводный танец шотландских горцев, вариант контрданса. Был весьма популярен в кругу ирландского среднего класса в начале века.

6 Популярная ария из оперы М. У. Балфа «Цыганочка».